

Kosych, Galina

**К вопросу номинации "очарованного странника" в творчестве Н.С. Лескова
70-х гг.**

Opera Slavica. 2016, vol. 26, iss. 3, pp. 5-13

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/136033>

Access Date: 20. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

К вопросу номинации «очарованного странника» в творчестве Н. С. Лескова 70-х гг.

To the Question of a Nomination of “the Enchanted Wanderer” in N. S. Leskov’s Works in 70s

Галина Косых

(Градец-Кралове, Чешская Республика)

Абстракт

В статье рассматривается проблема номинации «очарованного странника» в контексте житийной интерпретации произведений, созданных Н. С. Лесковым в 70-х гг. Самый известный из странников-праведников Лескова этого периода — «очарованный странник» — о. Измаил. «Странность» как синоним «способности к духовному преображению» акцентируется автором в заглавии произведения.

Ключевые слова:

духовное преобразование; житийный архетип; интерпретация; фольклор; очарованный странник

Abstract:

The article examines the problem of the nomination “the enchanted wanderer” in the context of hagiographical interpretation of the works created by N. S. Leskov in the 70s. The most famous of the wanderers and righteous men of Leskov was—“The Enchanted Wanderer”—o. Izmail. “Strangeness” as a synonym for “capacity for spiritual transformation” is emphasized by the author in the title of the work.

Key words:

spiritual transformation; hagiographical archetype; interpretation; folklore; the enchanted wanderer

Источником осмысления «идеи святости» на русской почве для Н. С. Лескова (70-х гг.) послужили жития святых, святоотеческая и богословская литература. Герои произведений 70-х гг. репрезентируют житийный архетип, логику развития покаянной характерологии.

Для «художественной проповеди» Лескова в этот период важное значение приобретает идея «странничества», выраженная эпитетом «странный», номинация героев словами «странник», «путник», «путимец» и т. д. Все праведники Лескова с того момента, когда «на душе остро становится», подвержены странничеству: меняют свой прежний образ жизни, бросают все, что ранее было дорого сердцу, «пропадают для мира». Путь, избираемый праведниками, бывшими когда-то «блудницами и мытарями», стяжателями и сластолюбцами и т. д., ведет их к «глубокому разладу с собой и миром». Свое «спасение» они находят в созерцательной и молитвенной монашеской жизни, в «рабьем зраке» многочисленных молчальников, схимников, стариц и старцев, послушников и т. д. Оправдание убийцы, разбойника, стяжателя, блудницы и мытаря становится возможным только при принесении ими глубокого покаяния, испытывании благодатного внутреннего преобразования. Не случайно поэтому основополагающей категорией художественного сознания Н. С. Лескова 60–70-х гг. явилось «покаяние».

«Праведство» лесковских героев в этот период заключается главным образом в христианском благочестии, святости, в непрестанном стремлении «сердце и ум поднимать <горе> — к Вышнему Граду, к новому Иерусалиму»¹. В контексте житийной интерпретации «Очарованного странника» Лескова возникает проблема номинации главного героя. В литературоведческих исследованиях рассматривается герой, именуемый Иваном Северьяновичем Флягиным. Исходя из фольклорных (былинных или сказочных) интерпретаций именование героя в «Очарованном страннике» не представляет принципиальной разницы. Предпочтение, на основании фольклорного толкования художественного мира произведения, отдается мирскому имени, об о. Измаиле речь не идет. Такое положение приемлемо было вне логики житийного архетипа. Если в фольклорной интерпретации монастырь есть лишь «кратковременная остановка» перед очередным «богатырским подвигом» или очередным деянием «Иванушки», то житийный архетип акцентирует именно эту окончательную стадию духовного восхождения героя в контексте его внутреннего преобразования, и потому большее значение приобретает (по сравнению с именем бывшего «ветхого человека») монашеское имя — о. Измаил.

1 KOSYCH, G.: *Genesis «chudožestvennoj propovedi» v tvorčestve N. S. Leskova*. In: ROSSICA OLOMUCENSIA – LIII. Sbornik příspěvků z mezinárodní konference XXII. Olomoucké dny rusistů. Olomouc 2014, s. 255.

Традиция именования героя мирским именем идет от трудов А. Л. Волынского. В других критических работах прошлого столетия — статьях Н. К. Михайловского, В. Львова-Рогачевского и др. — более осторожное именование: чаще всего — описательно — «монах», «инок», «странник», «путешественник», «конэссер», «очарованный странник»... Выше мы упомянули о первичном «мирском» имени. Однако необходимо сделать уточнение. Под этим именем — Иван Северьянович Флягин — праведник Лескова жил в миру не всю свою жизнь и даже не большую ее часть. Имена его многочисленны, составляют целый ономастический калейдоскоп: в детстве героя звали Голован, Голованька («оттого что я произошел на свет с необыкновенною большою головою, так что меня поэтому и звали не Иван Флягин, а просто *Голован*»)². С таким именем он ходил около двадцати лет, после чего в течение десяти лет до тридцать четвертого года своей жизни был в Рынь-песках Иваном, так как «у них (татар. — Г. К.) все если взрослый русский человек — так *Иван*, а женщина — *Наташа*, а мальчиков они *Кольками* кличут»³. Вернувшись в имение своего помещика, он стал Иваном, сыном Северьяна (Северьянов) до тех пор, пока после убийства цыганки не стал служить солдатом под именем Петра Сердюкова. И только на свободе после более чем пятнадцати лет, получив офицерский чин и личное дворянство, всего лишь *несколько лет*, до послушания в Коневецком Рождественском монастыре носил имя — Иван Северьяныч. Иваном Северьянычем Флягиным (со свойственным суффиксом отчества -ыч-, обозначающим сословную привилегированность), герой, следовательно, именовался совсем даже непродолжительное время — несколько лет (после солдатской службы и до прихода в монастырь).

Таким образом, героя можно было бы с большим основанием называть Голованом, Иваном, Петром и т. д. Содержательная сторона при характерологии героя от этого, думается, не пострадала бы. Сам о. Измаил упоминает свое мирское имя мимоходом, в ряду других, и не придает ему какого-либо значения. Читатель узнает о нем из воспроизведенного «иноком» диалога с конюхами: «Я говорю: <Что же вы стоите! или не слышите? Что я вам приказываю — вы то сейчас исполнять должны!» А они отвечают: «Что ты, Иван Северьяныч (Меня в миру Иван Северьяныч, господин Флягин, звали): как, говорят, это можно, что ты велишь узду снять?»⁴. Автор несколько раз называет инока мирским именем, это продиктовано тем, что Иван Северьяныч — последнее

2 LESKOV, N. S.: *Sobranije sočinenij: V 11 t.* T. IV. Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'stvo chudožestvennoj literatury, 1957, с. 396.

3 Ibidem, с. 433.

4 Ibidem, с. 392–393.

из мирских имен, известное читателю с начала повествования (имя Измаил появляется в завершении «поэмы»), и необходимостью, чтобы «бурная», греховная жизнь имела соответствие и в имени героя. Сложно предположить, что убийство монаха, Савакирея, цыганки Груши преподносилось автором от лица о. Измаила.

Происходит сознательный ономастический «сдвиг», который, помимо хронологической соотнесенности, обусловлен житийно-стадиальным соответствием: Иван Флягин — до монастыря, о. Измаил — коневецкий монах. Факт редкой авторской номинации героя мирским именем обусловлен также повествовательной структурой произведения. Для контрастности восприятия «спасенного пути» героя писатель знакомит с монашеским именем в заключении повествования — в конце последней девятнадцатой главы. На протяжении всей «поэмы» писатель «томит» читателя неизвестностью о его духовном звании и имени. В главе первой, описывая внешность странника («... он был одет в послушничьем подряснике с широким монастырским ременным поясом и в высоком черном суконном колпачке»), помимо этнических сведений о бытовом укладе жизни ладожских островов, автор повествует о невозможности узнать, кто он — послушник или инок: «Послушник он был или постриженный монах — этого отгадать было невозможно, потому что монахи ладожских островов не только в путешествиях, но и на самых островах не всегда надевают камилавки, а в сельской простоте ограничиваются колпачками»⁵. Неведение читателя длится до последней главы, где инок также к случаю упоминает слушателям о настоящем имени: «... меня теперь Измаилом зовут»⁶. На протяжении всего повествования автору необходимо как-то именовать героя, и поэтому наряду с такими номинациями, как «инок», «черноризец», «богатырь-черноризец», «очарованный странник» и т. д., проскальзывает именование «ветхого человека».

При тщательном рассмотрении номинирования главного героя обнаруживается один пример, когда авторское право смыслового наполнения текста заменяется другим, вольным, и даже противоречащим авторскому замыслу, прочтением. Речь идет о начале второй главы. Внимательный читатель «Очарованного странника» должен был недоумевать, почему автор, не обращаясь к герою от имени слушателей, в третьем лице называет о. Измаила — «господином Флягиным». В первой главе странник называется «черноризцем», «богатырем-черноризцем» и проч. И вдруг — «господин Флягин», именование совсем неожиданное, не подобающее иноческому «рабьему зраку».

5 Ibidem, с. 386.

6 Ibidem, с. 504.

В текстах современного издания данное место выглядит следующим образом: «Бывший конэсер Иван Северьяныч, господин Флягин, начал свою повесть так...»⁷ — что другими словами значит: «Иван Северьяныч, а именно — господин Флягин, бывший когда-то конэсером, сказал...». В первом печатном издании «Очарованного странника» в газете «Русский мир» 1873 г., в следующем отдельном издании 1874 г. читаем этот же отрывок без обособления: «Бывший конэсер Иван Северьяныч господин Флягин начал свою повесть так...»⁸. Писатель сознательно не обособлял вторую часть, обозначающую субъект действия, так как согласованное определение «бывший» также относится к слову «конэсер», как и к словам «Иван Северьяныч», «господин Флягин». Значение первоначального авторского текста следующее: «... бывший конэсер Иван Северьяныч, бывший когда-то в миру господин Флягин начал свою повесть так...». Авторская структура предложения с отсутствием всяких знаков препинания ни в коем случае не определялась правилами синтаксиса того времени. В других случаях такая же синтаксическая позиция, но с отличным смысловым наполнением, обособляется. Например: «А они отвечают: «Что ты, Иван Северьяныч (меня в миру Иван Северьяныч, господин Флягин, звали): как, говорят, это можно...»». В первоначальном авторском тексте отсутствие обособления не случайно: «бывший» приобретает функцию эпитета. Именно такое словоупотребление единственно возможно, когда речь идет об иноке, «жизненность» которого разделяется на две «несходности»: до и после — греховная жизнь до монастыря, жизнь в миру и противоположное ей созерцательное, молитвенное «житие» «нового человека» на «святом острове» вне суеты мира. Какое изменение смыслового наполнения происходит вследствие, казалось бы, незначительного и малозаметного вмешательства: с покорностью раба служащий Богу монах, о. Измаил и одновременно «господин Флягин»!

При изучении фольклоризма «Очарованного странника» обычно проводят «аналогию с былинным эпосом об Илье Муромце» и подчеркивают «связь произведения с сатирическими сказками об Иванушке-дурачке»⁹. Необходимо отметить, что фольклорные аллюзии «Странника» используются автором не с целью указания на какие-либо конкретные произведения или какую-либо жанровую традицию (былинную или сказочную) в целом. Былинные фольклорные ассоциации присутствуют в «поэме» Лескова скорее как «проявления

7 Ibidem, с. 395.

8 LESKOV, N. S.: *Očarovannyj strannik*. In: *Russkij mir*. 1873. № 274, с. 1.

9 ČEREDNIKOVA, M. P.: *Ob jednom fol'klornom motive v povesti N. S. Leskova «Očarovannyj strannik»*. In: *Russkaja literatura* 1973. № 3, с. 139–140.

народного духа, народной силы»¹⁰. В «Очарованном страннике» перед нами поэтому всего лишь «русский национальный тип, ярко запечатленный в героическом русском эпосе»¹¹. Главный герой «Очарованного странника» о. Измаил — «типический, простодушный, добрый русский богатырь, напоминающий дедушку Илью Муромца в прекрасной картине Верещагина и в поэме графа А. К. Толстого»¹². Одновременно тема богатырства о. Измаила разрабатывается Лесковым с другой целью, обусловленной, как мы думаем, пониманием писателя праведнического характера 70-х гг.

Что значила для Лескова идея богатырства, показывают другие произведения этого же временного отрезка — «Павлин» (1874) и «На краю света» (1875–1876). Синонимом «очарованного странника» в рассказе «На краю света» является «очарованный богатырь». Именно так главный герой, престарелый архиепископ, именуется одного безымянного «дикаря» сибирских просторов: «... мой... избавитель представлялся мне очарованным могучим сказочным богатырем»¹³. Синонимический ряд в рассказе продолжает еще одно словосочетание — «пустынный ангел»¹⁴. При всей различности «обширной протекшей жизненности» о. Измаила и жизни безымянного сибирского «язычника» оба они объединяются в представлении писателя тем, что «от царства небесного недалеко ходят»: «Мнилось мне, что это был тот, на чьей шее обитает сила; тот, чья смертная нога идет в путь, которого не знают хищные птицы; тот, перед кем бежит ужас, сокративший меня до бессилия и уловивший меня, как в петлю, в мой собственный замысел»¹⁵. Идея богатырства поэтому в первую очередь обозначает «чистое сердце», «душу смирную», «пустынного ангела». «Ризы Христа уже коснулись его, и благодатная правда веет на него своим хладным духом ... Очарован тот, над кем тяготят божественные чары, кто зачарован ими, кто сознательно и бессознательно является «странником» в жизни, исполняя не свою волю, а волю пославшего»¹⁶.

10 JEREMINA, V. I.: N. V. *Gogol'*. In: *Russkaja literatura i fol'klor: (pervaja polovina XIX v.)*. Leningrad: Nauka, 1976, с. 290.

11 STOLJAROVA, I. V.: *Leskov i Rossija. In: Leskov, N. S. Polnoje sobranije sočinenij: V 30 t. T. 1*. Moskva: Terra, 1996, с. 48.

12 LESKOV, N. S.: *Sobranije sočinenij: V 11 t. T. IV*. Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'stvo chudožestvennoj literatury, 1957, с. 386–387.

13 LESKOV, N. S.: *Sobranije sočinenij: V 11 t. T. V*. Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'stvo chudožestvennoj literatury, 1957, с. 508.

14 Ibidem, с. 510.

15 Ibidem, с. 508.

16 VOLYNSKIJ, A. L.: *Carstvo Karamazovyh; N. S. Leskov. Zametki*. Sankt-Peterburg: Tipografija M. M. Stasjuleviča, 1901, с. 147.

В «Павлине» «очарованных богатырей», соотнесенных автором с «пустынными ангелами», находим на ладожских островах. «Я никак не могу иначе думать, — восклицает один из паломников о ладожских анахоретах, — что это должны быть какие-то титаны и *богатыри духа*» (курсив наш. — Г. К.)¹⁷. «Да; и вы правы, — уточняет спутник, — это богатыри, но только богатыри, мощные нищетою. Это зерна, которые уже *прозябли* и пошли в рост ... Пока они прозябли ... они лежали при дорогах, глохли под тернием и погибали, как вы, и я, и целый свет, пока ветер схватил их и бросил на добрую почву»¹⁸. С целью уяснения «духовного богатырства» прежних блудниц и мытарей, а сейчас святых и праведников писатель обращается к евангельской «притче о сеятелях»: «Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода» — Марк 4. 18–19. «Под <заботой века сего> следует разуметь обычные людские хлопоты и заботы», которые помрачают «добрые и чистые сердца», обрекают «зерна» на «прозябание»¹⁹. «Порыв ветра», поднимающий «прозябшие зерна» с дорог и из терния, переносящий их из каменистой почвы на «добрую землю», — именно этот процесс духовного роста «прозябшего зерна» обусловил творческие искания писателя 70-х гг., концепцию праведности данного периода. Мирская жизнь русского святого, по мысли автора, часто не блистает добродетелью. Он может быть и «стяжателем», и «блудником», «сластолюбом», и «всем, что еще угодно», но в результате духовного преображения, осознания своей греховности и покаяния от человека грешного способен быстро «взойти вверх, как тесто на опаре» и «перекинуться» в «пречудесного», в святого²⁰.

Таким образом, за былинным фольклорным узором часто у Лескова кроется иное содержание, которое выводит на первый план не героическую специфику русского эпоса, не физическую мощь богатырей, а в первую очередь силу духовную — качество, связанное с обретением героем правды-истины, «святой правды». О. Измаил, безымянный молчальник, в миру Павлин Певунов, схимонахиня Людмила, Крылушкин, о. Гордый, многочисленные герои «Монашеских островов...» — все это богатыри, но славные совсем не своими героическими подвигами и силой, а своею «нищетою». Это «богатыри духа», «зерна,

17 LESKOV, N. S.: *Sobranije sočinienij: V 11 t.* T. V. Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'stvo chudožestvennoj literatury, 1957, c. 213.

18 Ibidem, c. 213.

19 *Tolkovaja biblija, ili kommentarii na vse knigi sv. Pisanija vetchogo i novogo zaveta: V 12 t.* T. 9. Moskva: Terra, 1998, c. 248–249.

20 KOSYCH, G.: «Čudo udivitel'nych povorotov» v sud'be geroev-pravednikov N. S. Leskova 1870-ch godov. In: Dialog kultur 4. Hradec Králové. 23.–24. 1. 2007. Ústí nad Orlicí: OFTIS, 2007, c. 252.

которые уже прозябли и пошли в рост». Их богатырство поэтому прежде всего заключается в удивительной способности «вырвать» себя из «клеякой стихийности мира» (Г. Сковорода), где они «прозябали», «глохли под тернием и погибали», и, повторяя все те же «удивительные повороты в жизни», вышли на «спасенный путь» поиска «Божественного Первообраза человека» и «пошли в рост».

То что неподвижно, инертно, по мысли Лескова, лишено жизни в том смысле, что «духовная слепота» помрачает помыслы ума. Странничество и путешествие для христианской антропологии — важная ступень в богоуподоблении человека: «Удрученный ношей крестной / Всю тебя, земля родная, / В рабском виде Царь Небесный / Исходил благословляя» (эпиграф к книге «Русские богоносцы»).

Самый известный из странников-праведников Лескова — «очарованный странник» — о. Измаил. «Странность» как синоним «способности к духовному преображению» выносится писателем на первый план, в заглавие произведения.

Меняются аксиологические ориентиры прошлого и теперь «слабый, скудельный сосуд», стремящийся «землю продать, да небо купить», «в великой кротости смирившего себя христианина» произносит над собой приговор: «Умру-с и жив буду. Надо спастись»²¹. «Умерев миру», праведник Лескова находит спасение в монашеской молитвенной и созерцательной жизни. Этическая норма, провозглашаемая писателем в это время, как отмечалось выше, связана с идеей покаяния, индивидуального спасения души путем аскезы.

«Спасаящая сила покаяния», «падение и восстание» (Ф. М. Достоевский) человека — наиглавнейший компонент проблемно-тематического уровня произведений Н. С. Лескова 70-х гг.

Литература:

- ČEREDNIKOVA, M. P.: *Ob odnom fol'klornom motive v povesti N. S. Leskova «Očarovannyj strannik»*. In: *Russkaja literatura* 1973. № 3, 139–144.
- JEREMINA, V. I.: *N. V. Gogol'*. In: *Russkaja literatura i fol'klor: (pervaja polovina XIX v.)*. Leningrad: Nauka, 1976, 249–291.

21 LESKOV, N. S.: *Sobranije sočinenij: V 11 t.* T. V. Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'stvo chudožestvennoj literatury, 1957, c. 264.

Christianstvo: Ėnciklopedičeskij slovar': V II t. Т. II. Moskva: Bol'saja Rossijskaja ěnciklopedija, 1995.

KOSYCH, G.: «Čudo udivitel'nych povorotov» v sud'be geroev-pravednikov N. S. Leskova 1870-ch godov. In: Dialog kultur 4. Hradec Králové. 23.–24. 1. 2007. Ústí nad Orlicí: OFTIS, 2007, 227–232.

KOSYCH, G.: *Genezis «chudožestvennoj propovedi» v tvorčestve N. S. Leskova.* In: ROSSICA OLOMUCENSIA – LIII. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXII. Olomoucké dny rusistů. Olomouc 2014, 251–258.

LESKOV, N. S.: *Očarovannyj strannik.* In: Russkij mir. 1873. № 274.

LESKOV, N. S.: *Russkije bogonoscy. Religiozno-bytovyje kartiny N. S. Leskova.* Sankt-Peterburg, 1880.

LESKOV, N. S.: *Sobranije sočinenij: V 11 t.* Tt. IV–V. Moskva: Gosudarstvennoje izdatel'stvo chudožestvennoj literatury, 1956–1958.

MAJEROVA, O. M.: *Rasskaz N. S. Leskova «Nesmertel'nyj Golovan» i žitijnyje tradicii.* In: Russkaja literatura 1987. № 3, 170–179.

STOLJAROVA, I. V.: *Leskov i Rossija.* In: *Leskov, N. S. Polnoje sobranije sočinenij: V 30 t.* T. 1. Moskva: Terra, 1996, 7–100.

Tolkovaja biblija, ili komentarii na vse knigi sv. Pisanija vetchogo i novogo zaveta: V 12 t. Tt. 9, 12. Moskva: Terra, 1998.

VOLYNSKIJ, A. L.: *Carstvo Karamazovych; N. S. Leskov. Zametki.* Sankt-Peterburg: Tipografija M. M. Stasjuleviča, 1901.

Об авторе

Galina Kosych, University of Hradec Králové,
Faculty of Education, Department of Russian Language and Literature,
Hradec Králové, the Czech Republic, galina.kosych@uhk.cz

